

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-4-48-76

Научная статья / Research paper

Р.Р. Калинин*

КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ КАК ОЧАГ НАПРЯЖЕННОСТИ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ 2.0»

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Нынешний этап развития международных отношений характеризуется неуклонным ростом напряженности между США и КНР. В академическом сообществе для описания усиливающихся американо-китайских трений всё чаще используется словосочетание «холодная война 2.0» (или новая холодная война). Несмотря на крайнюю дискуссионность этого образа, он может оказаться полезным при анализе ряда современных мирополитических тенденций. В частности, он позволяет по-новому взглянуть на содержание ядерной проблемы Корейского полуострова, вписав ее в логику нарождающегося американо-китайского глобального противостояния. В первом разделе статьи представлен обзор современных дискуссий вокруг концепта «холодной войны 2.0» в российской и зарубежной академической литературе, выявлены особенности подходов к его интерпретации в США, РФ и КНР. Во втором разделе показано, что, несмотря на разночтения, образ «холодной войны 2.0» может оказаться полезным с точки зрения понимания конкретных шагов глобальных и региональных игроков, которые направлены на модернизацию их вооруженных сил и грозят превратить Корейский полуостров в арену нового биполярного противостояния. В третьем разделе с опорой на Гарвардскую модель переговоров и опыт подготовки Соглашения 2005 г. предпринята попытка обозначить зону потенциальных договоренностей по ядерной проблеме Корейского полуострова в новых условиях. Автор приходит к выводу, что риторика в духе «холодной войны 2.0» оказывается востребованной как у крупных игроков, так и у стран Корейского полуострова, позволяя им с ее помощью извлекать дополнительные внутри- и внешнеполитические дивиденды. При этом если КНДР делает ставку на ядерный фактор, то Республика Корея, опираясь на концепцию «средней силы», пытается балансировать

* Калинин Роман Ренатович — аспирант факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: kalininrr95@gmail.com).

между великими державами и тем самым увеличивать свое влияние и вес на международной арене. Подобная политика в долгосрочной перспективе несет серьезные риски, чревата неконтролируемой эскалацией международной напряженности на Корейском полуострове и превращением его уже не просто в арену нового биполярного соперничества, а в полноценный очаг военной опасности.

Ключевые слова: «холодная война 2.0», ядерная проблема Корейского полуострова, международная безопасность, ядерное оружие, денуклеаризация, ядерное нераспространение, США, КНДР, КНР

Для цитирования: Калинин Р.Р. Корейский полуостров как очаг напряженности «холодной войны 2.0» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 4. С. 48–76. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-4-48-76.

Roman R. Kalinin

THE KOREAN PENINSULA AS A HOTBED OF COLD WAR 2.0

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Contemporary international relations witness an ever-increasing tension between the United States and China. In an attempt to capture and conceptualize this trend, a new term was introduced in the IR academic discourse — a ‘Cold War 2.0’ (or new Cold War). Ambiguous and vague as it is, it may nevertheless be instrumental for the study of certain aspects of contemporary world politics. In particular, it allows one to consider the developments of the Korean Peninsula nuclear issue (KPNI) within the broader framework of emerging US-China confrontation. The first section examines current debates over the ‘Cold War 2.0’ concept both in Russian and foreign academic literature, and identifies its country-specific interpretations in the United States, Russia and the PRC. The second section shows that, despite its contested and controversial nature, the ‘Cold War 2.0’ concept provides useful insights on how concrete steps of global and regional actors aimed at enhancing their military capabilities are threatening to turn the Korean Peninsula into the arena of a new bipolar confrontation. In the third section, drawing on the Harvard negotiation model and the experience of 2005 Agreement, the author attempts to identify the zone of potential agreement on the KPNI under new conditions. The author concludes that both the leading powers and the countries of the Korean Peninsula utilize the ‘Cold War 2.0’

rhetoric to get additional domestic and foreign policy dividends. Thus, the DPRK relies upon the nuclear factor, while the Republic of Korea tries to balance between the great powers and to gain more weight in the international arena by building on the 'medium power' concept. In the long term, such policies are fraught with uncontrolled escalation that could lead to a new full-scale war on the Korean Peninsula.

Keywords: 'Cold War 2.0', Korean Peninsula nuclear issue, international security, nuclear weapons, denuclearization, nuclear non-proliferation, USA, DPRK, PRC

About the author: Roman R. Kalinin — PhD Candidate, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: kalininrr95@gmail.com).

For citation: Kalinin R.R. 2022. The Korean peninsula as a hotbed of Cold War 2.0. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 14, no. 4, pp. 48–76. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-4-48-76. (In Russ.)

«Холодная война 2.0»: проблемы осмысления и концептуализации

Термин «холодная война 2.0» рассматривается в научном сообществе как минимум с трех разных точек зрения. Так, одни ученые склонны определять данный феномен как специфическую разновидность конфликта. В 1997 г. российский исследователь В.П. Гулин рассматривал холодную войну в рамках концепции «бескровных войн» с преобладанием информационного противоборства и использованием других «несмертельных» видов оружия [Гулин, 1997]. Исследователи Т. Рид и М. Хекер в 2009 г. рассуждали о «холодной войне 2.0» в целом, указывая, что новые типы конфликтов характеризуются ростом влияния негосударственных акторов, информационных технологий, СМИ, средств радиоэлектронной борьбы [Rid, Hecker, 2009]. В свою очередь российский эксперт из ИМЭМО РАН А.В. Куприянов предложил следующее определение холодной войны: это особый тип межгосударственного конфликта, разворачивающийся между двумя акторами на довоенном уровне и требующий особой стратегии и тактики [Куприянов, 2021]. Вторая группа исследователей полагают, что термин «холодная война 2.0» характеризует новое состояние международных отношений в целом. Академик РАН А.А. Кокошин считает отличительным признаком войны вооруженную борьбу, а холодную войну, по его мнению, сле-

дует рассматривать как определенное состояние системы мировой политики [Кокошин, 2019]. В этом контексте как отечественные, так и зарубежные исследователи говорят о формировании новой биполярности между США и КНР по аналогии с противостоянием СССР и США¹ [Xuetong, 2013; Kupchan, 2021]. Третью группу ученых условно можно охарактеризовать как конструктивистскую. Как правило, авторы используют термин «холодная война 2.0», опираясь на концептуальное осмысление биполярного порядка, существовавшего во второй половине XX в., но конструируют из уроков прошлого новые смыслы. Как отмечал член-корреспондент РАН А.А. Громыко, сюжет о возникновении новой «биполярной конфронтации» Вашингтона и Пекина активнее разгоняют страны либеральной демократии. Автор выделил три фактора популярности этой идеи в западной повестке: простота и интуитивная понятность такой формы мироустройства; определенные позитивные коннотации (первая холодная война закончилась победой США, значит, и вторая завершится так же); наконец, возможность четко разграничить страны по признаку либеральная демократия / авторитарные режимы [Громыко, 2020]. В целом ситуация новой холодной войны рассматривается исследователями как более сложная и неустойчивая по сравнению с биполярным периодом XX в.: высказываются опасения, что она является лишь подготовительным этапом на пути к крупномасштабному конфликту, в котором главной динамической силой выступают страны Запада.

Более полное понимание сути феномена «холодной войны 2.0» может дать анализ особенностей его трактовки в отдельных странах. Изначально термин «холодная война» был введен в широкий оборот американским публицистом У. Липпманом в работе «The Cold War. A study in U.S. foreign policy», в которой он обосновывал необходимость сдерживания СССР [Lippman, 1947]. Неудивительно поэтому, что именно в США термин «холодная война 2.0» используется особенно активно. Как и в период первой холодной войны, неологизм пришел из публицистики: в 2008 г. журналист Э. Лукас издал книгу под названием «Новая холодная война», под которой он понимал новое противостояние «Запада и Кремля» вследствие

¹ Кортунов А.В. О мудрой обезьяне, спускающейся с горы // РСМД. 04.05.2020. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/o-mudroy-obezyane-spuskayushcheysya-s-gory/> (дата обращения: 10.01.2023).

непринятия Россией западных норм и попыток ее руководства возродить СССР [Lucas, 2008]. Примечательно, что в период администрации Б. Обамы, когда США пытались продвигать концепцию G2 — вовлечения КНР в американоцентричную систему², многие авторы описывали новую холодную войну как локальный феномен российско-американских отношений. К примеру, в начале «украинского кризиса» в 2014 г. политолог Р. Легволд считал, что, в отличие от глобального противостояния СССР и США, новая холодная война будет сосредоточена вокруг США и РФ и не затронет Индию, КНР и другие регионы [Legvold, 2014].

Одними из первых о «холодной войне 2.0» как о геополитическом противостоянии США и КНР также заговорили публицисты. В 2014 г. репортер Financial Times Г. Дайер писал, что отправной точкой новой холодной войны следует считать разработку интегрированной боевой доктрины AirSea Battle — по аналогии с концепцией AirLand Battle конца первой холодной войны, которая была направлена на подавление численного превосходства войск СССР в Европе. Доктрина AirSea Battle в свою очередь призвана дать ответ на растущую мощь Народно-освободительной армии Китая (НОАК)³.

После окончания военных кампаний в Ираке и Афганистане Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) действительно стал играть ключевую роль во внешнеполитической стратегии США. В условиях роста экономического и военного потенциала КНР был провозглашен «разворот» Соединенных Штатов к Азии (Pivot to Asia)⁴. В «Стратегии национальной безопасности» (СНБ) 2015 г., подчеркивая особую роль Индии в архитектуре безопасности АТР, США стали использовать термин «Индо-Тихоокеанский регион» (ИТР)⁵. Адми-

² Bergsten F.C. Two's company // Foreign Affairs. September/October 2009. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/americas/2009-09-01/twos-company> (accessed: 10.01.2023).

³ Dyer G. US v China: Is this the new Cold War? // Financial Times. 21.02.2014. Available at: <https://www.ft.com/content/78920b2e-99ba-11e3-91cd-00144feab7de> (accessed: 10.01.2023).

⁴ Clinton H. America's Pacific century // Foreign Policy. 11.10.2011. Available at: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (accessed: 10.01.2023).

⁵ National Security Strategy. February 2015 // The White House (archives). Available at: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (accessed: 10.01.2023).

нистрация Д. Трампа, следуя логике «принципиального реализма»⁶, объявила курс на обеспечение стратегического превосходства США в ИТР, что было закреплено в «Стратегии Индо-Тихоокеанского региона»⁷. В ходе развернутой Д. Трампом «торговой войны» с КНР в 2019 г. Г. Киссинджер отметил, что Вашингтон и Пекин находятся на пороге холодной войны⁸. Если в СНБ 2010 г., принятой при Б. Обаме, подчеркивалось стремление к построению «позитивных, конструктивных и всеобъемлющих» отношений с Китаем⁹, а в ее обновленной редакции от 2015 г. говорилось о сотрудничестве в определенных областях и соперничестве с позиции силы¹⁰, то доктринальные документы администрации Д. Трампа опираются на признание главенствующей роли военной силы в международной политике¹¹. Китай и Россия названы главными вызовами лидерству США наравне с региональными диктаторскими режимами, к которым причислена и КНДР¹².

С приходом к власти Дж. Байдена в официальных американских документах Китай стали называть «практически равным соперником» (*near-peer, global competitor of the United States*), подчеркивая возрастающую угрозу с его стороны национальной безопасности США

⁶ 25 сентября 2018 г., выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Д. Трамп озвучил стратегию американского «принципиального реализма», основанную на важности суверенитета, национализма и главенстве роли «жесткой силы» в международных отношениях. Подробнее см.: Brumberg D. Trump's unprincipled 'principled realism' benefits Trump, not the world // Arab Center. Washington, D.C. 05.10.2018. Available at: <https://arabcenterdc.org/resource/trumps-unprincipled-principled-realism-benefits-trump-not-the-world/> (accessed: 10.01.2023).

⁷ U.S. Strategic Framework for the Indo-Pacific // The White House (archives). P. 1. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/01/IPS-Final-Declass.pdf> (accessed: 10.01.2023).

⁸ Kissinger says U.S. and China in 'foothills of a Cold War' // Bloomberg. 21.11.2019. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-11-21/kissinger-says-u-s-and-china-in-foothills-of-a-cold-war> (accessed: 10.01.2023).

⁹ National Security Strategy 2010 // National Security Strategy Archive. Available at: <http://nssarchive.us/national-security-strategy-2010/5/> (accessed: 10.01.2023).

¹⁰ National Security Strategy. February 2015 // The White House (archives). Available at: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (accessed: 10.01.2023).

¹¹ National Security Strategy of the United States of America. December 2017 // National Security Strategy Archive. Available at: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2017.pdf> (accessed: 10.01.2023).

¹² Ibidem.

во всех сферах¹³. В обновленной «Стратегии Индо-Тихоокеанского региона» Белый дом заявил о необходимости развития военных возможностей в новых пространствах: космосе, киберсреде, других критических сферах, связанных с технологиями¹⁴, где у КНР могут быть преимущества. СНБ США 2022 г. по духу соответствует эпохе холодной войны: в ней говорится о возможности управляемой конфронтации, попытках Москвы и Пекина построить нелиберальный мировой порядок и использовании ресурсного и технологического потенциала для подрыва демократии¹⁵.

Что касается КНДР, то США в период президентства Дж. Байдена приостановили прямой диалог с северокорейским режимом и выступают с позиции CVID (*complete verifiable and irreversible dismantlement*) — полного, верифицируемого и необратимого ядерного разоружения Пхеньяна¹⁶. Затишье дипломатии на Корейском полуострове сопровождается возобновлением крупномасштабных учений¹⁷, направленных на укрепление сдерживания КНДР, и переориентацией союзников США на решение задач по сдерживанию Китая. Так, на фоне обострения угроз международной безопасности к антикитайской позиции всё сильнее склоняется Южная Корея¹⁸.

¹³ S. 1169 — Strategic Competition Act of 2021. 117th Congress (2021–2022) // Library of Congress. 10.05.2021. Available at: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/1169/> (accessed: 10.01.2023).

¹⁴ Indo-Pacific Strategy of the United States. February 2022 // The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed: 10.01.2023).

¹⁵ National Security Strategy. October 2022 // The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 10.01.2023).

¹⁶ Mattis J., Tillerson R. We're holding Pyongyang to account: The U.S., its allies and the world are united in our pursuit of a denuclearized Korean peninsula // The Wall Street Journal. 13.08.2017. Available at: <https://www.wsj.com/articles/were-holding-pyongyang-to-account-1502660253> (accessed: 10.01.2023).

¹⁷ Smith J. U.S. and South Korean warplanes begin largest ever air drills // Reuters. 31.10.2022. Available at: <https://www.reuters.com/world/us-south-korean-warplanes-begin-largest-ever-air-drills-2022-10-31/> (accessed: 10.01.2023).

¹⁸ Lee J.J., Shidore S. The folly of pushing South Korea toward a China containment strategy // Quincy Institute for Responsible Statecraft. 05.05.2022. Available at: <https://quincyinst.org/report/the-folly-of-pushing-south-korea-toward-a-china-containment-strategy/> (accessed: 23.07.2022); Lee R.M. The real significance of North Korea's recent military activities // Stimson Center. 02.11.2022. Available at: <https://www.38north.org/2022/11/the-real-significance-of-north-koreas-recent-military-activities/> (accessed: 10.01.2023).

Избранный в 2022 г. президент от правых сил Юн Сок Ёль уже выступил за усиление альянса с США¹⁹ и возрождение «трех столпов» обороны: Kill Chain (стратегия превентивного удара), KAMD (Korea Air and Missile Defense — ПВО и ПРО Кореи), KMPR (Korea Massive Punishment and Retaliation — Корейская стратегия широкомасштабного ответного карательного удара)²⁰.

Активизировавшиеся военно-политические приготовления создают угрозу превращения Корейского полуострова в полноценный фронт «холодной войны 2.0», причем некоторые американские политики и эксперты приветствуют подобную перспективу. Например, член Совета по международным делам Э. Абрамс полагает, что вызов, который представляет для Вашингтона блок авторитарных стран во главе с КНР и РФ, открывает возможность для наращивания военных расходов, возрождения глобального присутствия США и, как следствие, их возвращения к статусу единственной сверхдержавы²¹.

Образ новой холодной войны вызывает симпатии и у американских союзников в Европе. Независимая европейская негосударственная организация Geopolitical Intelligence Services AG считает, что стержнем этого конфликта является противостояние между демократичными и недемократичными странами, где по одну сторону находится западнцентричная капиталистическая система, а по другую — китаеццентричная сеть государств, включая Россию. Авторы полагают, что отличительной чертой новой холодной войны становится невозможность ее мирного завершения [Ferguson, Schularick, 2007]. Таким образом, страны либеральной демократии во главе с США рассматривают «холодную войну 2.0» как переходный период в развитии международных отношений, в конце которого авторитарные режимы потерпят крах. КНДР согласно СНБ 2022 г. воспринимается как малое авторитарное государство, стремящееся

¹⁹ Cho J. What conservative Yoon Seok-yeol's win as South Korea's president means for US-North Korea relations // ABC News. 09.03.2022. Available at: <https://abcnews.go.com/International/conservative-yoon-wins-south-koreas-presidential-election/story?id=83345740> (accessed: 10.01.2023).

²⁰ Воронцов А. Период военно-политической стабильности на Корейском полуострове приближается к завершению // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 20.05.2022. Доступ: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/period-stabilnosti-na-koreyskom-poluostrove/> (дата обращения: 10.01.2023).

²¹ Abrams E. The new Cold War // Council on Foreign Relations. 04.03.2022. Available at: <https://www.cfr.org/blog/new-cold-war-0> (дата обращения: 10.01.2023).

подорвать позиции США²², а значит, выступает как потенциальная мишень.

В России и КНР также используют термин «холодная война 2.0», однако трактуют его иначе. Российские ученые преимущественно рассматривают этот феномен в контексте ухудшения российско-американских отношений²³ [Ильинский, 2015]. При этом они склонны различать новую холодную войну и предыдущую конфронтацию. К примеру, исследователь из Института США и Канады РАН П. Подлесный считает современный мировой порядок эпохой борьбы западной и восточной моделей мира [Подлесный, 2018]. Профессор С.А. Караганов полагает, что новая холодная война является политическим проектом США и их союзников, которые ведут ее по лекалам предыдущей конфронтации²⁴. Российский историк И.М. Ильинский утверждает, что цель США в политике холодной войны — не допустить появления равного по силе конкурента [Ильинский, 2015]. Академик РАН С.М. Рогов выделяет в качестве характерных маркеров новой холодной войны резкое обострение пропаганды, экономическую войну и полное отсутствие дипломатических контактов между США и Россией, а также возобновление гонки вооружений [Рогов, 2020]. По мнению академика РАН Г.А. Арбатова, новая холодная война протекает в многополярном и полицентричном ядерном мире, что затрудняет выработку механизмов контроля и делает ее более опасной, чем в предыдущий период²⁵. Феномен полицентризма, который нередко игнорируют западные исследователи, согласно члену-корреспонденту РАН В.Н. Гарбузову, порождает большие и малые конфронтационные оси. Большая ось складывается вокруг вызова КНР американскому доминированию, а малая — вокруг

²² National Security Strategy. October 2022 // The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 10.01.2023).

²³ Арбатов А. Грядет ли холодная война? // Россия в глобальной политике. 22.04.2007. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/gryadet-li-holodnaya-vojna/> (дата обращения: 10.01.2023).

²⁴ Караганов С. Как победить в холодной войне // Россия в глобальной политике. 18.07.2018. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/kak-pobedit-v-holodnoj-vojne/> (дата обращения: 10.01.2023).

²⁵ Арбатов Г., Пауэр Дж. «Нам грозит более опасный период, чем холодная война» // Россия в глобальной политике. 16.02.2008. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/nam-grozit-bolee-opasnyj-period-chem-holodnaya-vojna/> (дата обращения: 10.01.2023).

борьбы РФ за советское наследство [Гарбузов, 2020]. При этом официально Россия не считает себя участником/инициатором нового геополитического противостояния, подчеркивая курс на равноправное многостороннее сотрудничество²⁶.

Отдельное внимание в этом контексте отечественные специалисты уделяют проблеме превращения Корейского полуострова во фронт «холодной войны 2.0». Российские корееведы А. Воронцов, А. Жебин, К. Асмолов подчеркивают, что США и их союзники годами игнорируют интересы национальной безопасности КНДР, подталкивая тем самым ее руководство к поиску силовых вариантов сдерживания угрозы и отдаляя мирное разрешение ядерной проблемы Корейского полуострова (ЯПКП)²⁷ [Асмолов, 2020; 2021; 2022; Жебин, 2019; КНДР и РК — 70 лет, 2018: 101–115].

КНР также не торопится признавать себя одним из главных акторов глобального противостояния, а ее представители стараются избегать использования термина «холодная война 2.0» для описания отношений с США. Научный сотрудник Академии социальных наук КНР Я. Юань отмечает важность недопущения перехода к состоянию «ловушки Черчилля» — холодной войны — и противопоставляет ей выстраивание системы соуправления (*co-ruling*), основанной на правилах и взаимоуважении [Yang, 2018]. Политолог Ян Сюэтуン полагает, что в нынешнюю эпоху идеологический компонент противостояния великих держав сменился технологическим, который не может быть адекватно описан в терминах геополитики [Xuetong, 2020]. Исследователь Денверского университета С. Жао также выступает против того, чтобы называть обострение американо-китайских противоречий холодной войной ввиду наличия множества сильных государств, способных влиять на глобальный баланс сил, отсутствия в КНР идеологии «на экспорт», а также неизменности позиции Пекина по незаключению союзов наподобие «Варшавского блока» [Zhao, 2022].

²⁶ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России. 02.07.2021. Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 10.01.2023).

²⁷ Воронцов А. Северная Корея на острие американской политики «двойного сдерживания» Китая и России // Фонд стратегической культуры. 06.06.2017. Доступ: <https://www.fondsk.ru/news/2017/06/06/severnaya-korea-na-ostrie-amerikanskoj-politiki-sderzhivania-kitaya-i-rossii-44110.html> (дата обращения: 10.01.2023).

Рост военной напряженности на Корейском полуострове через призму концепции «холодной войны 2.0»

Несмотря на различные трактовки понятия «холодная война 2.0», и США, и КНР активно проводят военную модернизацию. Наблюдается ускоренная милитаризация и в странах Корейского полуострова. В XXI в. НОАК подверглась серьезной перестройке. Как отмечается в докладе Белферовского центра, посвященном военному противостоянию США и КНР, к 2025 г. возможности НОАК по сдерживанию противника путем воспреещения доступа и маневра (A2/AD) достигнут второй цепочки островов²⁸, что станет прямой угрозой американской базе на о. Гуам²⁹. Военная реформа в Китае, стартовавшая в 2015 г., предполагает полную модернизацию армии к 2035 г. и доведение ее до высших мировых стандартов к 2049 г.³⁰ За 2021 г. в состав флота КНР вошли 8 эсминцев с управляемыми ракетами на борту. С учетом морской мощи США, роста военных флотов Японии и Южной Кореи эксперты предрекают гонку морских вооружений в АТР³¹. Как отмечает академик РАН А.А. Кокошин, господство на морях является необходимым условием для решения проблемы Тайваня и обеспечения суверенитета Южно-Китайского моря [Кокошин, 2016]. Российский исследователь В.Б. Кашин утверждает, что военная реформа стала ответом КНР на «третью стратегию компенсации» США и предполагает существенный прогресс в сфере

²⁸ Простирается от Японских островов до о. Гуам и островов Микронезии. Подробнее см.: Espena J., Bompig Ch. The Taiwan frontier and the Chinese dominance for Second Island Chain // Australian Institute of International Affairs. 13.08.2020. Available at: <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/taiwan-frontier-chinese-dominance-for-second-island-chain/> (accessed: 10.01.2023).

²⁹ Allison G., Glick-Unterman J. The great military rivalry: China vs the U.S. // Belfer Center for Science and International Affairs. Harvard Kennedy School. December 2021. Available at: https://www.belfercenter.org/sites/default/files/GreatMilitaryRivalry_China-vs-US_211215.pdf (accessed: 10.01.2023).

³⁰ Fravel M.T. Hearing on “A ‘world-class’ military: Assessing China’s global military ambitions”. Testimony before the U.S.-China Economic and Security Review Commission // The U.S.-China Economic and Security Review Commission. 20.06.2019. Available at: https://www.uscc.gov/sites/default/files/Fravel_USCC%20Testimony_FINAL.pdf (accessed: 10.01.2023).

³¹ Wong L., Vavasseur X. PLAN in motion: Chinese navy’s massive ship commissionings in 2021 // Naval News. 06.01.2022. Available at: <https://www.navalnews.com/naval-news/2022/01/plan-in-motion-chinese-navys-massive-ship-commissionings-in-2021> (accessed: 10.01.2023).

НАОКР с акцентом на развитие гиперзвуковых технологий и искусственного интеллекта [Кашин, 2017].

Рост напряженности в Европе, на Корейском полуострове, Тайване и в Южно-Китайском море стимулирует дискуссии и о дальнейшей модернизации облика ВС США. Речь идет о развитии концепции операций полного спектра (*multi-domain operations*, MDO), согласно которой армия должна иметь единую структуру ответа на вызовы с земли, воздуха, моря, в киберпространстве и космосе³². В ВМФ США разрабатывается концепция операций с использованием высокоомобильных оперативных групп на передовых опорных пунктах США (*expeditionary advanced base operations*, EABO) и резервных сил (*stand-in forces*, SIFs)³³. КНР и РФ обозначены в документах как страны, стремящиеся к формированию авторитарной модели мира посредством разрушения связей Вашингтона с союзниками. Используя операции полного спектра, США надеются выиграть крупномасштабные кампании против хорошо вооруженных армий РФ и КНР за счет быстроты маневра и технологий³⁴.

Разгорающаяся напряженность в американо-китайских отношениях отражается и на политике малых держав. Их роль в новой холодной войне нуждается в дополнительном концептуальном осмыслении. Как отмечают исследователи Л. Крамп и С. Эрландссон, для малых держав в период первой холодной войны характерным способом выживания были маневрирование, мультилатерализм, выраженный в участии в международных институтах, избрании нейтрального статуса, создании региональных группировок [Margins for manoeuvre in Cold War Europe..., 2019]. Маневрирование как попытка не попасть в ловушку новой холодной войны происходит и сейчас. Ситуация на Корейском полуострове является тому примером. КНДР стала первой де-факто ядерной державой, использующей ядерный фактор против США: Китай, который в период холодной

³² Feickert A. Defense primer: Army multi-domain operations (MDO) // Congressional Research Service. 21.11.2022. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/natsec/IF11409.pdf> (accessed: 10.01.2023).

³³ Feickert A. US Ground Forces in the Indo-Pacific: Background and issues for Congress // Congressional Research Service. 30.08.2022. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R47096> (accessed: 10.01.2023).

³⁴ Feickert A. Defense primer: Army multi-domain operations (MDO) // Congressional Research Service. 21.11.2022. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/natsec/IF11409.pdf> (accessed: 10.01.2023).

войны был догоняющим по отношению к Советскому Союзу и Соединенным Штатам, нельзя сравнить по совокупной мощи с Северной Кореей; Израиль никогда открыто не заявлял о функции сдерживания Москвы или Вашингтона с помощью ядерного оружия (ЯО); Великобритания всегда находилась в союзе с США; французская политика обороны по всем азимутам скорее была направлена на повышение роли страны в НАТО [Малашенко, 2011]. КНДР же в 2022 г. объявила о том, что может использовать ЯО для борьбы как с США, так и с Южной Кореей, и продемонстрировала новую межконтинентальную баллистическую ракету (МБР) «Хвасон-17», способную достичь территории Штатов³⁵.

Как отмечает российский эксперт О.В. Давыдов, агрессивная внешняя политика КНДР делает непредсказуемым и малопонятным развитие ситуации на Корейском полуострове [Давыдов, 2018]. Однако наличие у Пхеньяна ЯО препятствует созданию условий для управляемой конфронтации, декларируемой США в качестве основы противоборства с северокорейским режимом. Используя ядерный фактор в качестве щита от возможной интервенции, КНДР играет на противоречиях между Вашингтоном и Пекином и проводит независимую политику. Наиболее ярко это проявилось в ходе «украинского кризиса». Пхеньян открыто выразил поддержку РФ в проведении специальной военной операции на Украине и назвал ее причиной стремление США к мировой гегемонии³⁶. Дальнейший курс КНДР и возможный выбор стороны в американо-китайском противостоянии будут иметь серьезное значение для «холодной войны 2.0», в частности для сценариев кризисного реагирования.

Для США Корейский полуостров, где расквартировано порядка 28,5 тыс. американских военнослужащих³⁷, по-прежнему является важным плацдармом для быстрого реагирования на военную угрозу со стороны КНДР. В отличие от эпохи холодной войны, в текущих

³⁵ Ланьков А. Почему в уходящем году отношения Пхеньяна и Сеула становились все хуже // Профиль. 25.12.2022. Доступ: <https://profile.ru/abroad/pochemu-v-uhodyashhem-godu-otnosheniya-phenyana-i-seula-stanovilis-vse-huzhe-1223308/> (дата обращения: 10.01.2023).

³⁶ МИД КНДР заявил, что произвол США привел к конфликту на Украине // ТАСС. 26.02.2022. Доступ: (дата обращения: 10.01.2023).

³⁷ Chanlett-Avery E., Campbell C. U.S.-South Korea alliance: Issues for Congress // Congressional Research Service. 14.03.2022. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11388> (accessed: 10.01.2023).

условиях Пхеньян имеет возможность в случае кризиса выдвинуть собственный «ультиматум Макартура» либо прибегнуть к помощи Пекина в рамках положений Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между КНР и КНДР. Как полагает эксперт Р.М. Ли, Северная Корея постепенно отходит от тридцатилетней политики неприсоединения к КНР и РФ и стремится к стратегическому и тактическому сотрудничеству с этими странами, что в дальнейшем может привести к откату отношений с США до этапа Рамочного соглашения 1994 г.³⁸ Если «украинский кризис» разворачивается далеко от американских и китайских границ вокруг малой оси конфронтации, то Корейский полуостров является точкой соприкосновения этих стран. Переход противостояния в военную плоскость не кажется чем-то сверхъестественным в условиях модернизации военных доктрин ключевых игроков АТР.

Разлад между членами Совета Безопасности (СБ) ООН уже позволил КНДР в 2022 г. провести ряд испытаний ракет различной дальности, включая тяжелую МБР «Хвасон-17»³⁹. Анализ спутниковых снимков ядерного полигона Пхунгери демонстрирует подготовку Пхеньяна к ядерному испытанию⁴⁰. Объявленное в ответ на северокорейские провокации возобновление американо-южнокорейских учений вблизи границ КНДР⁴¹ приводит к спирали эскалации и усиливает риск горячего конфликта с возможным вовлечением Китая и России.

Маневрирование КНДР в условиях большой оси конфронтации между Вашингтоном и Пекином является успешным за счет фактора неопределенности, окутывающего ядерную стратегию страны и состояние ее стратегических ядерных сил. Известно, что укрепление

³⁸ Lee R.M. The real significance of North Korea's recent military activities // Stimson Center. 02.11.2022. Available at: <https://www.38north.org/2022/11/the-real-significance-of-north-koreas-recent-military-activities/> (accessed: 10.01.2023).

³⁹ Nowell E. North Korea launches yet another ballistic missile test: Reports // Space.com. 04.05.2022. Available at: <https://www.space.com/north-korea-missile-test-may-2022> (accessed: 10.01.2023).

⁴⁰ Makowsky P. et al. North Korea's Yongbyon Nuclear Research Center: Upgrades around the complex // Stimson Center. 24.05.2022. Available at: <https://www.38north.org/2022/05/north-koreas-yongbyon-nuclear-research-center-site-upgrades-around-the-complex/> (accessed: 10.01.2023).

⁴¹ Smith J. U.S. and South Korean warplanes begin largest ever air drills // Reuters. 31.10.2022. Available at: <https://www.reuters.com/world/us-south-korean-warplanes-begin-largest-ever-air-drills-2022-10-31/> (accessed: 10.01.2023).

ядерного потенциала КНДР происходит в рамках долгосрочной стратегии, озвученной руководством на VIII съезде Трудовой партии Кореи в январе 2021 г. Цели военного строительства заключаются в создании сверхкрупных боеголовок для МБР, атомной подводной лодки, гиперзвуковых ракет, в миниатюризации зарядов для разработки тактического ЯО⁴². Испытания МБР «Хвасон-17» 24 марта 2022 г. и 19 ноября 2022 г.⁴³ стали важной вехой в развитии средств доставки. Исследователь Центра стратегических и международных исследований (CSIS) С.М. Терри считает, что КНДР станет третьей после России и Китая страной, способной нанести ядерный удар по территории США, и будет в дальнейшем использовать «украинский кризис» для провокационной политики⁴⁴. Испытания МБР «Хвасон-17» означали отказ Пхеньяна от моратория на испытания баллистических ракет и ЯО 2018 г.⁴⁵, который был основой «Пханмучжомской декларации о мире, процветании и объединении Корейского полуострова» между Республикой Корея и КНДР⁴⁶. Испытанием новейшей МБР Ким Чен Ын окончательно перечеркнул успехи личной дипломатии Д. Трампа, итогом которой стала «Сингапурская декларация», предусматривавшая гарантии безопасности США в обмен на денуклеаризацию Северной Кореи⁴⁷.

⁴² Великая боевая программа по достижению новых побед в строительстве социализма нашего образца // Корея. 2021. № 778. С. 10–18. Доступ: <https://www.fessl.ru/korea/korea1.pdf> (дата обращения: 10.01.2023).

⁴³ Smith J. Factbox: North Korea's new Hwasong-17 'monster missile' // Reuters. 19.11.2022. Available at: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/north-koreas-new-hwasong-17-monster-missile-2022-11-19/> (accessed: 10.01.2023).

⁴⁴ Terry S.M. North Korea's nuclear opportunism // Foreign Affairs. 24.03.2022. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/north-korea/2022-03-24/north-koreas-nuclear-opportunism> (accessed: 10.01.2023).

⁴⁵ КНДР отказалась от ракетно-ядерных испытаний // ТАСС. 21.04.2018. Доступ: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5147022> (дата обращения: 10.01.2023).

⁴⁶ Panmunjom Declaration for Peace, Prosperity and Unification of the Korean Peninsula // Ministry of Foreign Affairs. Republic of Korea. 11.09.2018. Available at: https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5478/down.do?brd_id=308&seq=319130&data_tp=A&file_seq=1 (accessed: 10.01.2023).

⁴⁷ Joint Statement of President Donald J. Trump of the United States of America and Chairman Kim Jong Un of the Democratic People's Republic of Korea at the Singapore Summit // The White House (archives). 12.06.2018. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/joint-statement-president-donald-j-trump-united-states-america-chairman-kim-jong-un-democratic-peoples-republic-korea-singapore-summit/> (accessed: 10.01.2023).

Перспективы мирного урегулирования на Корейском полуострове в условиях «холодной войны 2.0»

Непрекращающаяся череда кризисов, отбросившая усилия по мирному урегулированию на Корейском полуострове к нулевой фазе, актуализирует необходимость поиска дипломатического решения ЯПКП. Если США рассматривают санкции как один из главных способов принуждения КНДР к переговорам, то позиция Китая долгое время была ситуативной. Помимо коллективных санкций СБ ООН Пекин использовал механизм односторонних санкций для влияния на Северную Корею. В 2006 г. КНР присоединилась к кампании США по заморозке северокаорейских активов, введя подобные меры в Bank of China. В 2013 г. под предлогом технических проблем был приостановлен экспорт нефти в КНДР⁴⁸.

Однако политика Китая в условиях «холодной войны 2.0» свидетельствует о том, что Си Цзиньпин, пришедший к власти в 2013 г., и Ким Чен Ын, занявший пост в 2011 г., нашли общий язык и общего противника. 9 сентября 2022 г. китайский лидер по случаю Дня независимости Кореи отметил, что в условиях трансформации международных отношений необходимо усиливать стратегические контакты между странами⁴⁹. В январе 2022 г. Москва и Пекин заблокировали пакет санкций против пяти северокаорейцев, поддержанный США⁵⁰. 6 мая 2022 г. Россия и Китай вновь применили право вето в отношении американского проекта резолюции СБ ООН по санкциям против КНДР. Постоянный представитель РФ в ООН В.А. Небензя отметил, что в условиях вспышки COVID-19 в КНДР «усиление санкционного давления на Пхеньян не только бесперспективно, но и крайне опасно с точки зрения гуманитарных последствий таких

⁴⁸ Jiang Y. Sanctions are an important tool in China's North Korea diplomacy // Danish Institute for International Studies. 22.02.2019. Available at: <https://www.diis.dk/en/research/sanctions-are-an-important-tool-in-chinas-north-korea-diplomacy> (accessed: 10.01.2023).

⁴⁹ Xi Jinping sends message of congratulation to DPRK Supreme Leader Kim Jong Un on the 74th anniversary of DPRK national day // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 09.09.2022. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/gjhdq_665435/2675_665437/2701_663406/2703_663410/202209/t20220909_10764531.html (accessed: 10.01.2023).

⁵⁰ Lederer E.M. Russia and China block new UN sanctions on 5 North Koreans // AP News. 21.01.2022. Available at: <https://apnews.com/article/business-linda-thomas-greenfield-russia-europe-north-korea-b297eb51abe2bc57c314cab65dda82df> (accessed: 10.01.2023).

мер»⁵¹. Исследователь М. Шин предполагает, что Москва и Пекин будут и дальше блокировать ограничительные меры в отношении северокорейского режима в СБ ООН, даже в случае ядерных или ракетных испытаний КНДР⁵². При этом опора Пхеньяна на собственные силы ядерного сдерживания позволяет сохранять независимость от Китая и России в случае реализации военных угроз со стороны США и их союзников.

В результате тенденции оформления «холодной войны 2.0» негативно сказываются на работе институтов глобального управления. Происходит увязка ЯПКП с глобальным соперничеством США и КНР. Предотвратить риск случайной эскалации возможно, отказавшись от риторики холодной войны. 15 июля 2022 г. на заседании Комитета АТР по поддержке мирного воссоединения Кореи представители КНДР отметили, что для обеспечения мира на Корейском полуострове требуется отбросить холодную войну, «заставить США» отказаться от враждебной политики в отношении Пхеньяна и подписать полноценный мирный договор о завершении Корейской войны 1950–1953 гг.⁵³

Как представляется, в современных условиях ключом к разрешению ЯПКП могло бы стать возобновление формата Шестисторонних переговоров, который имеет ряд уникальных преимуществ в условиях кризиса. Как отмечает профессор Дж.С. Парк, в отличие от обычной дипломатической практики, когда ответственные ведомства готовят позиции каждой из сторон, КНР как организатор предварительно проводила двусторонние переговоры на высоком уровне с каждым участником шестистороннего формата для более точной проработки повестки. Второй и третий этапы включали выработку и обсуждение дорожной карты [Park, 2005]. В результате процесса переговоров, длившегося с 2003 г., в 2005 г. КНДР взяла

⁵¹ Выступление Постоянного Представителя В.А. Небензи по мотивам голосования по проекту резолюции СБ ООН по КНДР // Постоянное Представительство РФ при ООН. 26.05.2022. Доступ: https://russiaun.ru/ru/news/eovdprk_260522 (дата обращения: 10.01.2023).

⁵² Shin M. How will the Ukraine war affect the Korean peninsula? // The Diplomat. 04.03.2022. Available at: <https://thediplomat.com/2022/03/how-will-the-ukraine-war-affect-the-korean-peninsula/> (accessed: 10.01.2023).

⁵³ Прошло расширенное заседание Комитета АТР по поддержке мирного воссоединения Кореи // Корейское радио. 10.06.2021. Доступ: <https://koreanradio.info/an-extended-meeting-of-the-asia-pacific-region-committee-to-support-the-peaceful-reunification-of-korea-was-held/> (дата обращения: 10.01.2023).

обязательства вернуться в Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и допустить инспекции Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), а также прекратить все существующие ядерные программы в обмен на возможность развития мирной атомной энергетики под гарантии безопасности других участников переговоров⁵⁴. Соглашение 2005 г. можно считать образцом дипломатии на Корейском полуострове. Опираясь на Гарвардскую модель переговоров и Соглашение 2005 г. как эталон, можно попытаться обозначить зону потенциальных договоренностей (*zone of possible agreement*, ЗОПА) по ЯПКП в текущих условиях⁵⁵.

В 2005 г. Китай как основной инициатор диалога был сосредоточен на укреплении доверия между КНДР и США, учете требований безопасности всех сторон и закреплении гарантий безопасности в юридической форме⁵⁶. Позиция Пхеньяна заключалась в готовности отказаться от военной ядерной программы в обмен на предоставление помощи в экономическом развитии и построении мирной атомной энергетики под гарантии безопасности США⁵⁷. Россия выступала за возвращение КНДР в ДНЯО, возобновление инспекций МАГАТЭ, возможность предоставления Северной Корее гуманитарной помощи и гарантий безопасности [Toloraya, 2008].

Сегодня эти позиции во многом сохраняются. Возобновление многостороннего сотрудничества становится особенно актуальным в связи с ухудшением межкорейских отношений⁵⁸, бывших драйвером мирного процесса на Корейском полуострове.

⁵⁴ Joint Statement of the Fourth Round of the Six-Party Talks Beijing // U.S. Department of State. 19.09.2005. Available at: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/prs/ps/2005/53490.htm> (accessed: 10.01.2023).

⁵⁵ Shonk K. How to find the ZOPA in business negotiations // Harvard Law School. Program on Negotiation. 24.10.2022. Available at: <https://www.pon.harvard.edu/daily/business-negotiations/how-to-find-the-zopa-in-business-negotiations/> (accessed: 10.01.2023).

⁵⁶ Ying F. The Korean nuclear issue: Past, present, and future // The Brookings Institution. John L. Thornton China Center. May 2017. Available at: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2017/04/north-korean-nuclear-issue-fu-ying.pdf> (accessed: 10.01.2023).

⁵⁷ Глава делегации КНДР: перспективы шестисторонних переговоров в основном зависят от США // Жэньминь жибао. Доступ: <http://russian.people.com.cn/31521/5205531.html> (дата обращения: 10.01.2023).

⁵⁸ Atsuhito I. South and North Korea at risk of new crisis // The Diplomat. 14.11.2022. Available at: <https://thediplomat.com/2022/11/south-and-north-korea-at-risk-of-new-crisis/> (accessed: 10.01.2023).

По случаю признания Пхеньяном независимости Донецкой Народной Республики (ДНР) и Луганской Народной Республики (ЛНР) представитель МИД КНДР выразил готовность сотрудничать «со всеми странами мира, которые уважают суверенитет КНДР и относятся к нам дружелюбно по принципу равенства суверенитета, невмешательства во внутренние дела и взаимоуважения»⁵⁹. Россия, опираясь на Концепцию внешней политики 2016 г.⁶⁰, выступает за безъядерный статус Корейского полуострова и совместно с КНР предлагает отделить гуманитарные проблемы от проблем безопасности. 29 октября 2022 г. Москва и Пекин представили в СБ ООН проект резолюции о частичной отмене санкций в гуманитарной сфере и иных гражданских областях, не связанных с северокорейской ядерной программой⁶¹. Министр иностранных дел КНР Ван И призвал США учесть интересы КНДР в области безопасности и заявил о том, что Пекин будет играть конструктивную роль в этих усилиях⁶². Полномочия Дж. Байдена истекают в 2024 г., и нельзя исключать новую активизацию дипломатической деятельности на Корейском полуострове как часть предвыборной кампании. В связи с этим зону потенциального нового соглашения по ЯПКП можно было бы обрисовать в следующем виде (таблица) [Mnookin et al., 2000].

Сравнение позиций стран показывает, что на данном этапе консенсус осложнен позицией США, требующих полной денуклеаризации КНДР в качестве предварительного условия для начала диалога⁶³. Таким образом, в условиях текущего кризиса вокруг ЯПКП первичными элементами становятся выработка мер сниже-

⁵⁹ Ответ представителя МИД КНДР // ЦТАК. 15.07.2022. Доступ: <http://www.kcna.kp/ru/article/q/17b04a651fc2cd5a3e0a81b1c9c9aa890a09ee4f1a4b9fbca21646c0a503388d4c36782bc967b88a944dc661bb3f8632.kcmsf> (дата обращения: 10.01.2023).

⁶⁰ Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Президент России. 30.11.2016. Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 10.01.2023).

⁶¹ РФ и Китай представили в СБ ООН проект резолюции о частичной отмене санкций против КНДР // Интерфакс. 03.11.2021. Доступ: <https://www.interfax.ru/world/801224> (дата обращения: 10.01.2023).

⁶² State Councilor and Foreign Minister Wang Yi meets the press // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 07.03.2022. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx_662805/202203/t20220308_10649559.html (accessed: 10.01.2023).

⁶³ Patel V. Department press briefing // U.S. Department of State. 09.12.2022. Available at: <https://www.state.gov/briefings/department-press-briefing-december-9-2022/#post-402752-CHINA2> (accessed: 10.01.2023).

Зона потенциального нового соглашения по ЯПКП на основе опыта Соглашения 2005 г.		
Страна	Позиция	Зона потенциального соглашения
КНДР	Юридически обязывающие гарантии безопасности от США и их союзников; прекращение совместных учений вблизи границ КНДР; смягчение санкций со стороны СБ ООН и односторонних ограничений; признание права КНДР на мирную атомную энергетику; ядерное разоружение по принципу «действие в обмен на действие», «обязательство в обмен на обязательство»	Денуклеаризация Корейского полуострова в обмен на финансовую и энергетическую поддержку КНДР и предоставление гарантий безопасности действующему северокорейскому режиму на основе подхода «действие в обмен на действие», «обязательство в обмен на обязательство»
КНР	Отказ от введения новых санкций и возможность снижения санкционного давления на КНДР в сферах, не относящихся к ракетно-ядерной программе, в обмен на ядерное разоружение Северной Кореи в соответствии с нормами международного права	
РФ	Отказ от введения новых санкций и возможность снижения санкционного давления на КНДР в сферах, не относящихся к ракетно-ядерной программе, в обмен на ядерное разоружение Северной Кореи в соответствии с нормами международного права	
США и их союзники	Предоставление возможности КНДР построить легководный реактор в обмен на обязательство Пхеньяна отказаться от всего ЯО и всех ядерных программ, возвращение КНДР в ДНЯО и подписание Соглашения о гарантиях МАГАТЭ	

ния риска использования ЯО (*nuclear use risk reduction*) и построение двустороннего диалога Вашингтона и Пхеньяна с конечной целью денуклеаризации Корейского полуострова в рамках Шестистороннего формата⁶⁴.

КНДР в опубликованной 8 сентября 2022 г. ядерной доктрине провозгласила ядерные силы средством защиты и отражения агрессии, а ЯО — «последним средством в ответ на внешнюю агрессию»⁶⁵.

⁶⁴ Институт ООН по исследованию проблем разоружения разработал комплекс мер по снижению риска использования ЯО, в основе которого — обеспечение прозрачности ядерной доктрины и стигматизация роли ЯО как политического средства [Nuclear risk reduction..., 2020].

⁶⁵ Опубликование Закона о политике КНДР в отношении ядерных вооруженных сил // ЦТАК. 09.09.2022. Доступ: <http://kcna.kp/ru/article/q/5f0e629e6d35b7e3154b4226597df4b8.kcmsf> (дата обращения: 10.01.2023).

Примечательно, что шаг, направленный на достижение прозрачности, был воспринят США и их союзниками как очередная угроза со стороны КНДР, которая призвана под страхом использования ЯО заставить их отказаться от враждебной политики в отношении руководства страны и добиться от мира признания своего ядерного статуса⁶⁶. Между тем «Обзор ядерной политики» администрации Дж. Байдена подчеркивает ключевую роль расширенного ядерного сдерживания⁶⁷, а СНБ 2022 г.⁶⁸ фактически подтверждает подход CVID, разработанный в период президентства Дж. Буша-мл.

В целом доктрины двух стран носят оборонительный характер, однако недоверчивость и агрессивная позиция в отношении друг друга увеличивают вероятность превращения Корейского полуострова в полноценный фронт «холодной войны 2.0» и создают риск преднамеренного или непреднамеренного использования ЯО. Исследователи RAND Corporation рассматривают сценарий ограниченного/демонстрационного ядерного удара в ходе эскалации как наиболее приемлемый для руководства КНДР [Davis, Bennett, 2022]. Исследователь Дж. Поллак полагает, что обмен стратегическими ядерными ударами приведет к цепочке эскалации и ядерному обмену между РФ и США⁶⁹. Подобный сценарий возможен и при участии КНР.

При этом американские эксперты считают, что риск несанкционированного или случайного использования ЯО прежде всего исходит от Северной Кореи как самой неопытной ядерной державы с достаточно низким уровнем технологий системы командования и

⁶⁶ Воронцов А. Как воспринимать Закон о политике КНДР в отношении ядерных вооруженных сил? // РСМД. 16.09.2022. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kak-vosprinimat-zakon-o-politike-kndr-v-otnoshenii-yadernykh-vooruzhennykh-sil/> (дата обращения: 10.01.2023).

⁶⁷ National Defense Strategy of the United States of America including the 2022 Nuclear Posture Review and 2022 Missile Defense Review // U.S. Department of Defense. 27.10.2022. Available at: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF> (accessed: 10.01.2023).

⁶⁸ National Security Strategy. October 2022 // The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 20.11.2022).

⁶⁹ Pollack J.H. Nuclear dangers from North Korea: Managing the risks to the US and Russia // Belfer Center for Science and International Affairs. 27.10.2017. Available at: <https://www.russiamatters.org/analysis/nuclear-dangers-north-korea-managing-risks-us-and-russia> (accessed: 10.01.2023).

управления. Анализ системы ядерного командования и контроля КНДР, выполненный Агентством по сокращению военной угрозы США (Defense Threat Reduction Agency), показывает, что Пхеньян избрал модель, основанную на единоличном контроле со стороны Ким Чен Ына, которая является негибкой и привлекательной для нанесения обезглавливающего удара⁷⁰. Особую тревогу в этой связи вызывают новости об обладании КНДР тактическим ЯО⁷¹, которое увеличивает риск непреднамеренного использования ядерного арсенала ввиду особенностей хранения и провоцирует в Южной Корее идеи обретения ядерного статуса или участия в ядерном планировании США⁷².

* * *

Можно заключить, что экстраполяция на ЯПКП логики «холодной войны 2.0» несет серьезные риски неконтролируемой эскалации конфликта, что делает особенно актуальной проработку различных сценариев его недопущения. В условиях новой холодной войны реализация этих сценариев будет неизбежно зависеть как от внутренних, так и от внешних по отношению к Корейскому полуострову долгосрочных трендов. В частности, речь идет о динамике противостояния между Западом и блоком незападных держав, «основанном на сомнении в легитимности и функциональности существующего мирового порядка» [Дуткевич, 2022: 31]. Одностороннего отказа КНДР от ядерного потенциала невозможно достичь в условиях беспрецедентных со времен Второй мировой войны планов Японии по двукратному увеличению военного бюджета в ближайшие 5 лет⁷³ и развития инициированных США форматов AUKUS, QUAD,

⁷⁰ Bernstein P.I., Smith S. Through a glass, a little less darkly: North Korean nuclear command and control in light of recent developments // Stimson Center. 14.11.2022. Available at: <https://www.38north.org/2022/11/through-a-glass-a-little-less-darkly-north-korean-nuclear-command-and-control-in-light-of-recent-developments/> (accessed: 10.01.2023).

⁷¹ Военные КНДР получили 30 РСЗО калибром 600 мм, запускающие тактическое ядерное оружие // ТАСС. 01.01.2023. Доступ: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16730243> (дата обращения: 10.01.2023).

⁷² Бутырин А. Военные амбиции Южной Кореи // Арсенал Отечества. 05.01.2023. Доступ: <https://arsenal-otechestva.ru/article/1676-voennye-ambitsii-yuzhnoj-korei> (дата обращения: 10.01.2023).

⁷³ Choi S. Outreach key in reminding Japan of pacifism: Experts // The Korea Herald. 27.12.2022. Available at: <https://m.koreaherald.com/view.php?ud=20221227000594> (accessed: 28.12.2022).

в которые может войти и Южная Корея, занимающая 6-е место в рейтинге военной мощи Global Fire Powers⁷⁴. Особое значение имеют, конечно же, перипетии американо-китайского соперничества как главной линии разлома новой холодной войны. После формирования двухпартийного консенсуса в США относительно политики сдерживания КНР особую роль в развитии ситуации на Корейском полуострове будут играть характер, который приобретет геополитическое противостояние этих стран, и их готовность к поиску точек соприкосновения и диалогу [Кашин, 2022]. С учетом тесных связей КНР с КНДР последняя становится важным буфером на пути американского влияния в регионе, способным отвлечь внимание США⁷⁵. Для Вашингтона же ядерная программа Пхеньяна, напротив, служит поводом для наращивания присутствия в АТР и сплочения союзников. В этих условиях особенно острой становится необходимость разработки мер, направленных на установление надежной линии связи между США и КНДР, сокращение масштабов военных учений вблизи северокорейских границ, урегулирование приграничных инцидентов.

В то же время следует признать, что образ и риторика «холодной войны 2.0» оказались в определенном смысле весьма притягательными как для ряда крупных игроков, так и для самих стран Корейского полуострова. Для Северной и Южной Кореи они, в частности, открывают возможности получения дополнительных политических и экономических дивидендов, а также повышения уровня собственной субъектности на международной арене. При этом первая всё чаще делает ставку на ядерный фактор [Асмолов, Захарова, 2022; Жебин, 2014; Лан'ков, 2013], а вторая в рамках концепции «средней силы» пытается путем балансирования между ведущими державами укрепить свое влияние на региональные и глобальные процессы [Воронцов и др., 2020]. Как представляется, подобная политическая линия может выглядеть привлекательной с точки зрения решения текущих конъюнктурных внутри- и внешнеполитических задач, однако в более долгосрочной перспективе она несет серьезные риски,

⁷⁴ 2023 military strength ranking // Global Firepower. Available at: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (accessed: 10.01.2023).

⁷⁵ Ланьков А. Почему в уходящем году отношения Пхеньяна и Сеула становились все хуже // Профиль. 25.12.2022. Доступ: <https://profile.ru/abroad/pochemu-v-uhodyashhem-godu-otnosheniya-phenyana-i-seula-stanovilis-vse-huzhe-1223308/> (дата обращения: 10.01.2023).

поскольку чревата неконтролируемой эскалацией международной напряженности на Корейском полуострове и превращением его уже не просто в арену нового биполярного соперничества, а в полноценный очаг военной опасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асмолов К.В. Милитаризация Южной Кореи при Мун Чжэ Ине // Россия и Корея в современном информационном пространстве / Отв. ред. К.В. Иванов, И.В. Олейников. Иркутск: Издательство Иркутского государственного университета, 2022. С. 53–60.

2. Асмолов К.В. Начало нового этапа китайско-северокорейских отношений (2018–2020 гг.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. Т. 25. № 25. С. 243–261. DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10015.

3. Асмолов К.В. Южная Корея между США и КНР // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. Т. 26. № 26. С. 227–241. DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-227-241.

4. Асмолов К.В., Захарова Л.В. Современная Северная Корея: первое десятилетие эпохи Ким Чен Ына (2012–2021). М.: ИКСА РАН, 2022.

5. Воронцов А., Понька Т., Варпаховский Э. Концепция «средней силы» (middle power) во внешней политике Республики Корея: теория и практика // Международные процессы. 2020. Т. 18. № 1. С. 89–105. DOI: 10.17994/IT.2020.18.1.60.5.

6. Гарбузов В.Н. Большие конфронтационные оси современного мира // Россия и Америка в XXI веке. 2020. № 4. С. 11. DOI: 10.18254/S207054760013408-5.

7. Громыко А. Об иллюзиях новой биполярности // РСМД. 05.05.2020. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ob-illyuziyakh-novoy-bipolyarnosti/> (дата обращения: 26.05.2021).

8. Гулин В.П. О новой концепции войны // Военная мысль. 1997. № 2. С. 13–17.

9. Давыдов О.В. Проблемы Корейского полуострова и возможные пути их решения // Россия и АТР. 2018. № 3 (101). С. 68–83. DOI: 10.24411/1026-8804-2018-10034.

10. Дуткевич П. Грандиозный раскол // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 6. С. 22–34. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-6-22-34.

11. Жебин А.З. Денуклеаризация Корейского полуострова: забытые аспекты // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 2. С. 29–39. DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10009.

12. Жебин А.З. КНДР: несменяемый вектор // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 3. С. 46–66.

13. Ильинский И.М. Холодная война: новый этап // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 5–17. DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2015.3.1>.

14. Кашин В.Б. Китайские реформы системы управления военными инновациями: ответ на американскую «третью стратегию компенсации»? // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2017. № 4. С. 42–66.

15. Кашин В.Б. Обострение военно-политической ситуации вокруг Тайваня в 2022 г.: причины и перспективы развития // Пути к миру и безопасности. 2022. № 2 (63). С. 188–203. DOI: 10.20542/2307-1494-2022-2-188-203.

16. КНДР и РК — 70 лет / Отв. ред. А.З. Жебин. М.: ИДВ РАН, 2018.

17. Кокошин А.А. Военная реформа в КНР: военно-стратегические, политические и организационно-управленческие аспекты // Международная жизнь. 2016. № 12. С. 47–67.

18. Кокошин А.А. Вопросы прикладной теории войны. М.: ИД Высшей школы экономики, 2019.

19. Куприянов А.В. Холодная война как особый тип конфликта // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 4. С. 35–49. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-4-35-49.

20. Малашенко О.А. Военно-политические отношения Франции и НАТО: история и современность // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. № 4. С. 42–56.

21. Подлесный П.Т. Холодная война 2.0. и политика сдерживания России // Россия и Америка в XXI веке. 2018. № 3. С. 10. DOI: 10.18254/S0000043-4-1.

22. Рогов С.М. Новая холодная война: последствия для российского общества // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 3. С. 279–292. DOI: 10.31857/S0869587320030196.

23. Davis P.K., Bennett B.W. Nuclear-use cases for contemplating crisis and conflict on the Korean peninsula // Journal for Peace and Nuclear Disarmament. 2022. Vol. 5. No. 3. P. 1–26. DOI: 10.1080/25751654.2022.2053426.

24. Ferguson N., Schularick M. ‘Chimerica’ and the global asset market boom // International Finance. 2007. Vol. 10. No. 3. P. 215–239. DOI: 10.1111/j.1468-2362.2007.00210.x.

25. Kupchan C. Bipolarity is back: Why it matters // The Washington Quarterly. 2021. Vol. 44. No. 4. P. 123–139. DOI: 10.1080/0163660x.2021.2020457.

26. Lan'kov A.N. The real North Korea: Life and politics in the failed Stalinist utopia. Oxford; New York: Oxford University Press, 2013.

27. Legvold R. Managing the new Cold War: What Moscow and Washington can learn from the last one // Foreign Affairs. 2014. Vol. 93. No. 4. P. 74–84.

28. Lippmann W. The Cold War: A study in US foreign policy. New York: Harper & Row, 1947.

29. Lucas E. *The new Cold War: How the Kremlin menaces both Russia and the West*. London: Bloomsbury, 2008.

30. *Margins for manoeuvre in Cold War Europe: The influence of smaller powers* / Ed. by L. Crump, S. Erlandsson. London: Routledge, 2019.

31. Mnookin R.H., Peppet R.H., Tulumello A.S. *Beyond winning: Negotiating to create value in deals and disputes*. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2000.

32. *Nuclear risk reduction: Closing pathways to use* / Ed. by W. Wan. Geneva: UNIDIR, 2020.

33. Park J.S. Inside multilateralism: The six-party talks // *Washington Quarterly*. 2005. Vol. 28. No. 4. P. 73–91. DOI: 10.1162/0163660054798726.

34. Rid T., Hecker M. *War 2.0: Irregular warfare in the information age*. Westport, CT: Praeger Security International, 2009.

35. Toloraya G. The six party talks: A Russian perspective // *Asian Perspective*. 2008. Vol. 32. No. 4. P. 45–69. DOI: 10.1353/apr.2008.0004.

36. Xuetong Y. Bipolar rivalry in the early digital age // *The Chinese Journal of International Politics*. 2020. Vol. 13. No. 3. P. 313–341. DOI: 10.1093/cjip/poaa007.

37. Xuetong Y. For a new bipolarity: China and Russia vs. America // *New Perspectives Quarterly*. 2013. Vol. 30. No. 2. P. 12–15. DOI: 10.1111/npqu.11366.

38. Yang Y. Escape both the ‘Thucydides trap’ and the ‘Churchill trap’: Finding a third type of great power relations under the bipolar system // *The Chinese Journal of International Politics*. 2018. Vol. 11. No. 2. P. 193–235. DOI: 10.1093/cjip/poy002.

39. Zhao S. The US–China rivalry in the emerging bipolar world: Hostility, alignment, and power balance // *Journal of Contemporary China*. 2022. Vol. 31. No. 134. P. 169–185. DOI: 10.1080/10670564.2021.1945733.

REFERENCES

1. Asmolov K.V. 2022. Militarizatsiya Yuzhnoi Korei pri Mun Chzhe Ine [Militarization of South Korea under Moon Jae-in]. In: Ivanov K.V., Oleinikov I.V. (eds.). *Rossiya i Koreya v sovremennom informatsionnom prostranstve* [Russia and Korea in the modern information space]. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., pp. 53–60. (In Russ.)

2. Asmolov K.V. 2020. Nachalo novogo etapa kitaisko-severokoreiskikh otnoshenii (2018–2020 gg.) [The beginning of a new stage in China — North Korea relations (2018–2020)]. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*, vol. 25, no. 25, pp. 243–261. DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10015. (In Russ.)

3. Asmolov K.V. 2021. Yuzhnaya Koreya mezhdu SShA i KNR [South Korea between China and the USA]. *China in World and Regional Politics. History and*

Modernity, vol. 26, no. 26, pp. 227–241. DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-227-241. (In Russ.)

4. Asmolov K.V., Zakharova L.V. 2022. *Sovremennaya Severnaya Koreya: pervoe desyatiletie epokhi Kim Chen Yna (2012–2021)* [Modern North Korea: The first decade of Kim Jong-un's era]. Moscow, ICSA RAN Publ. (In Russ.)

5. Vorontsov A., Ponka T., Varpakhovskis E. 2020. Kontseptsiya 'srednei sily' (middle power) vo vneshnei politike Respubliki Koreya: teoriya i praktika [Middle power manship in Korean foreign policy]. *International Trends*, vol. 18, no. 1, pp. 89–105. DOI: 10.17994/IT.2020.18.1.60.5. (In Russ.)

6. Garbuzov V.N. 2020. Bol'shie konfrontatsionnye osi sovremennogo mira [Modern world and the great confrontation axes]. *Russia and America in the XXI Century*, no. 4, pp. 11. DOI: 10.18254/S207054760013408-5. (In Russ.)

7. Gromyko A. 2020. *Ob illyuziyakh novoi bipolyarnosti* [Illusions of a new bipolarity]. RSM. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ob-illyuziyakh-novoy-bipolyarnosti/> (accessed: 10.01.2023). (In Russ.)

8. Gulin V.P. 1997. O novoi kontseptsii voyny [On the new concept of war]. *Military Thought*, no. 2, pp. 13–17. (In Russ.)

9. Davydov O.V. 2018. Problemy Koreiskogo poluostrova i vozmozhnye puti ikh resheniya [The problems of the Korean Peninsula and their prospective solutions]. *Russia and the Pacific*, no. 3 (101), pp. 68–83. DOI: 10.24411/1026-8804-2018-10034. (In Russ.)

10. Dutkevich P. 2022. Grandiozniy raskol [A great split]. *Russia in Global Affairs*, vol. 20, no. 6, pp. 22–34. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-6-22-34. (In Russ.)

11. Zhebin A.Z. 2019. Denuklearizatsiya Koreiskogo poluostrova: zabytye aspekty [Denuclearization of the Korean Peninsula: Forgotten aspects]. *East Asia: Facts and Analytics*, no. 2, pp. 29–39. DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10009. (In Russ.)

12. Zhebin A.Z. 2014. KNDR: nesmenyaemyi vektor [DPRK: Unchanging vector]. *Far Eastern Studies*, no. 3, pp. 46–66. (In Russ.)

13. Ilinskiy I.M. 2015. Kholodnaya voina: novyi etap [Cold War: A new stage]. *Knowledge. Understanding. Skill*, no. 3, pp. 5–17. DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2015.3.1>. (In Russ.)

14. Kashin V.B. 2017. Kitaiskie reformy sistemy upravleniya voennymi innovatsiyami: otvet na amerikanskuyu 'tret'yu strategiyu kompensatsii'? [Chinese reforms of military innovation management system: A response to the U.S. Third Offset Strategy?]. *Lomonosov World Politics Journal*, no. 4, pp. 42–66. (In Russ.)

15. Kashin V. 2022. Obostrenie voenno-politicheskoi situatsii vokrug Taivanya v 2022 g.: prichiny i perspektivy razvitiya [The 2022 escalation of the military and political situation around Taiwan: Causes and prospects for

further evolution]. *Pathways to Peace and Security*, no. 2 (63), pp. 188–203. DOI: 10.20542/2307-1494-2022-2-188-203. (In Russ.)

16. Zhebin A.Z. (ed.). 2018. *KNDR i RK — 70 let* [The DPRK and the ROK: The 70th anniversary of foundation]. Moscow, IDV RAN Publ. (In Russ.)

17. Kokoshin A.A. 2016. Voennaya reforma v KNR: voenno-strategicheskie, politicheskie i organizatsionno-upravlencheskie aspekty [Military reform in China: Military-strategic, political, organizational and managerial aspects]. *The International Affairs*, no. 12, pp. 47–67. (In Russ.)

18. Kokoshin A.A. 2019. *Voprosy prikladnoi teorii voyny* [The issues of the applied theory of war]. Moscow, Izdatelskii dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ. (In Russ.)

19. Kupriyanov A.V. 2021. Kholodnaya voina kak osobyi tip konflikta [Cold War as a special type of conflict]. *Russia in Global Affairs*, vol. 19, no. 4, pp. 35–49. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-4-35-49. (In Russ.)

20. Malashenko O.A. 2011. Voенно-politicheskie otnosheniya Frantsii i NATO: istoriya i sovremennost' [Political and military relations between France and NATO: Past and present]. *Lomonosov World Politics Journal*, no. 4, pp. 42–56. (In Russ.)

21. Podlesnyi P.T. 2018. Kholodnaya voina 2.0. i politika sderzhivaniya Rossii [Cold War 2.0. and policy of containment]. *Russia and America in the XXI Century*, no. 3, pp. 10. DOI: 10.18254/S0000043-4-1. (In Russ.)

22. Rogov S.M. 2020. Novaya kholodnaya voina: posledstviya dlya rossiiskogo obshchestva [The new Cold War: Consequences for Russian society]. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, vol. 90, no. 3, pp. 279–292. DOI: 10.31857/S0869587320030196. (In Russ.)

23. Davis P.K., Bennett B.W. 2022. Nuclear-use cases for contemplating crisis and conflict on the Korean Peninsula. *Journal for Peace and Nuclear Disarmament*, vol. 5, no. 3, pp. 1–26. DOI: 10.1080/25751654.2022.2053426.

24. Ferguson N., Schularick M. 2007. 'Chimerica' and the global asset market boom. *International Finance*, vol. 10, no. 3, pp. 215–239. DOI: 10.1111/j.1468-2362.2007.00210.x.

25. Kupchan C. 2021. Bipolarity is back: Why it matters. *The Washington Quarterly*, vol. 44, no. 4, pp. 123–139. DOI: 10.1080/0163660x.2021.2020457.

26. Lankov A.N. 2013. *The real North Korea: Life and politics in the failed Stalinist utopia*. Oxford, New York, Oxford University Press.

27. Legvold R. 2014. Managing the new Cold War: What Moscow and Washington can learn from the last one. *Foreign Affairs*, vol. 93, no. 4, pp. 74–84.

28. Lippmann W. 1947. *The Cold War: A study in US foreign policy*. New York, Harper & Row.

29. Lucas E. 2008. *The new Cold War: How the Kremlin menaces both Russia and the West*. London, Bloomsbury.

30. Crump L., Erlandsson S. (eds.). 2019. *Margins for manoeuvre in Cold War Europe: The influence of smaller powers*. London, Routledge.
31. Mnookin R.H., Peppet R.H., Tulumello A.S. 2000. *Beyond winning: Negotiating to create value in deals and disputes*. Cambridge, MA, The Belknap Press of Harvard University Press.
32. Wan W. (ed.). 2020. *Nuclear risk reduction: Closing pathways to use*. Geneva, UNIDIR.
33. Park J.S. 2005. Inside multilateralism: The six-party talks. *Washington Quarterly*, vol. 28, no. 4, pp. 73–91. DOI: 10.1162/0163660054798726.
34. Rid T., Hecker M. 2009. *War 2.0: Irregular warfare in the information age*. Westport, CT, Praeger Security International.
35. Toloraya G. 2008. The six party talks: A Russian perspective. *Asian Perspective*, vol. 32, no. 4, pp. 45–69. DOI: 10.1353/apr.2008.0004.
36. Xuetong Y. 2020. Bipolar rivalry in the early digital age. *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 13, no. 3, pp. 313–341. DOI: 10.1093/cjip/poaa007.
37. Xuetong Y. 2013. For a new bipolarity: China and Russia vs. America. *New Perspectives Quarterly*, vol. 30, no. 2, pp. 12–15. DOI: 10.1111/npqu.11366.
38. Yang Y. 2018. Escape both the ‘Thucydides trap’ and the ‘Churchill trap’: Finding a third type of great power relations under the bipolar system. *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 11, no. 2, pp. 193–235. DOI: 10.1093/cjip/poy002.
39. Zhao S. 2022. The US–China rivalry in the emerging bipolar world: Hostility, alignment, and power balance. *Journal of Contemporary China*, vol. 31, no. 134, pp. 169–185. DOI: 10.1080/10670564.2021.1945733.

Статья поступила в редакцию 07.10.2022;
одобрена после рецензирования 16.01.2023;
принята к публикации 11.03.2023

The paper was submitted 07.10.2022;
approved after reviewing 16.01.2023;
accepted for publication 11.03.2023